

УДК 785.16.071.2(410)
ББК 85.318(4Вел)-8
С88

Paul Stanley
FACE THE MUSIC
A Life Exposed
New York
HarperCollins Publishers

Печатается с разрешения издательства HarperOne, an imprint of HarperCollins Publishers и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Стэнли, Пол.

С88 Kiss. Лицом к музыке: срывая маску / Пол Стэнли ; пер. с англ. А. Беляева, М. Степченко. — Москва : Издательство АСТ : Кладезь, 2020. — 480 [16] с.: илл. — (MUSIC LEGENDS & IDOLS).

ISBN 978-5-17-115531-5 («Издательство АСТ»)

ISBN 978-0-06-211404-4 (англ.)

Хорошо известный благодаря своему сценическому образу Звездного Мальчика, Пол Стэнли написал мемуары, которые пленяют своей захватывающей смесью личных открытий, историй взлетов и падений, а также отношений и раздоров — и в группе KISS и вне ее. Родившись с патологией «микротия», из-за которой он глух на правую ухо, Стэнли пережил нелегкое детство, но именно оно подвигло его искать успеха в наименее вероятной для него сфере деятельности: музыке.

УДК 785.16.071.2(410)
ББК 85.318(4Вел)-8

Содержание

Пролог	7
ЧАСТЬ I	
Негде спрятаться, детка, некуда бежать	17
ЧАСТЬ II	
На улицу за заработком	83
ЧАСТЬ III	
Со мною всякое бывало	199
ЧАСТЬ IV	
Под дулом пистолета	305
ЧАСТЬ V	
Автострада боли	375
ЧАСТЬ VI	
Навеки	435
Об авторе	476
О соавторе	477
Благодарности	478

Посвящается моей семье

Пролог

Аделаида, Австралия, 3 марта 2013 года

Сидя сейчас перед зеркалом, я на секунду останавливаю взгляд на глазах, что смотрят на меня. По периметру этого зеркала — яркие лампочки, как в театральных гримерках, а на століке перед зеркалом — небольшая коробка с гримом. Нам часа через три выходить на сцену, то есть мне уже надо начинать ритуал, являющийся неотъемлемой частью моей профессиональной жизни вот уже сорок лет.

Первым делом я протираю лицо средством, закрывающим поры. Затем беру баночку с «белым клоунским» — это жирное средство для макияжа на кремовой основе. Набираю на пальцы эту вязкую жидкость, наношу на все лицо, только вокруг правого глаза оставляю островок, где будет примерно грубый контур звезды.

В свое время этот мой грим служил мне защитной маской, за которой скрывалось лицо одинокого ребенка, чья жизнь в то время была невыносимой. Я родился без правого уха — я еще и глухой на эту сторону. Мое самое душераздирающее воспоминание о детстве — это как детишки дразнят меня «Стэнли-монстр-одноухий!». Причем зачастую я этих детишек вообще не знал. Зато они знали меня, того самого парня, у которого вместо уха бородавка. В обществе людей я чувствовал себя обнаженным. С болью я осознавал, что меня все время присталь-

но рассматривают. Когда же я возвращался домой, моя семья ничего не делала, чтобы мне помочь.

Белый грим наложен, я беру расческу визажиста, и тем ее концом, на котором металлическая точка, прорисовываю контур звезды вокруг правого глаза. На белом гриме появляется дорожка, внутри контура я удаляю грим ватной палочкой для ушей, также я очищаю контур губ.

Персонаж, изображение которого появляется на моем лице, изначально родился как защита, которая защищала меня настоящего. Долгие годы, накладывая этот грим, я чувствовал, как возникает другая личность. Грим постепенно закрашивал неуверенного дефективного ребенка, со всеми его сомнениями и внутренними конфликтами, и появлялся другой парень, тот, которого я создал, чтобы показать всем, что им стоит относиться ко мне лучше, что со мной стоит дружить, что вообще я — особенный. Я создал парня, который *уложит* девушку. Те, кто знал меня в детстве и юности, очень удивились моему успеху с KISS. И я понимаю, почему. Они же не знали, что происходит у меня внутри. Не знали, почему я был таким, каким был, и к чему стремился. Ни о чем таком они не были в курсе совершенно. Для них я был просто какой-то раздолбай или уродец. Если не чудище.

Я встаю и иду в другую комнату — обычно к гримерке при-
мыкает ванная. Там я, задержав дыхание, обсыпаю лицо белой пудрой. Она фиксирует белизну на моем лице и пропускает пот во время концерта. Сейчас я могу потрогать пальцем лицо, и палец не окрасится в белый цвет. Эту часть процесса я открыл для себя путем проб и ошибок, а пока не открыл, грим, смываемый потом, слепил меня.

Ребенком я часто мечтал: вот вырасту — стану борцом с преступностью, в маске. Хотел быть Одиноким Рейнджером. Хотел быть Зорро. Хотел быть тем парнем на коне на холме, с маской на лице — это образ из телевизора и кино. Одинокий ребенок

хотел стать таким, и он таким и стал. Я создал свою собственную реальность. Созданный мною персонаж, Звездный Мальчик, выходя на сцену, и был *тем самым парнем*, супергероем, полной противоположностью тому, кем я был тогда.

Быть *тем парнем* — я просто балдел от этого.

Но рано или поздно приходилось спускаться по лестнице вниз. А спустившись — сталкиваешься лицом к лицу со своей реальной жизнью во всей ее полноте. Многие годы, когда я уходил со сцены, у меня в голове крутилась только одна мысль: *и что теперь?* Дом тогда был чем-то вроде чистилища. В те короткие периоды, что KISS не были в туре, я сидел на диване в своей нью-йоркской квартире и думал о том, что никто бы ни за что не поверил, что вот я — дома, и пойти мне, блин, больше некуда. Группа была для меня системой жизнеобеспечения, но она же и отторгала все те отношения, что составляют реальную жизнь. У себя дома я не чувствовал ничего, кроме голода: отсутствовало нечто очень важное, и оно ничем не восполнялось. В каком-то смысле я всегда оставался сам с собой отдаленным, недоступным. При этом оставаться наедине с самим собой для меня было невыносимо.

Со временем граница между человеком и персонажем плавно стиралась. Часть образа *того парня* я уносил с собой со сцены. *Того парня* хотели девушки. Люди-то думали, *тот парень* — это и есть настоящий я. Но я-то понимал, что это совсем не так. На сцене я мог создавать такую реальность, но сохранять ее я не мог. Очень трудно жить весь день Звездным Мальчиком, когда сам в это не веришь. Я знал, кто я такой на самом деле. Я знал правду.

К тому же я занимал оборонительную позицию. Когда окружающие подкалывали друг друга, я мог в этом поучаствовать, но сам принять в этом участие не мог. Я понимал, что гораздо лучше было бы уметь смеяться над своими недостатками и странностями, но дойти до этого самостоятельно не получа-

лось. Побороть же инстинктивную реакцию на то, что ребенком тебя рассматривали и высмеивали, не получалось. Я все еще оставался очень застенчивым и неуверенным в себе. Хотя я сам того не осознавал, меня все еще преследовали горести моего прошлого. Я подпускал в свои шутки злобы за счет других людей.

Ударись меня — получишь вдвое.

Со сжатыми ладонями жить проще. Но кулаками не добиться того, чего не добиться и сотней других способов с разжатой ладонью. К сожалению, я этого не понимал долго, очень долго. И все то время внутри меня шла борьба, а я ощущал неудовлетворенность, неполноценность и глубочайшее одиночество.

Закрепив белый грим пудрой, я возвращаюсь в гримерку, снова сажусь к зеркалу, вычищаю пудру внутри контура звезды на глазу. Затем я обрисовываю контур звезды черным карандашом для бровей. Наношу на кисточку черный грим, который пожирнее белого клоунского, и рисую звезду. Снова иду в другую комнату, там фиксирую наведенную звезду детской присыпкой на основе талька. Она более матовая, чем пудра на остальной части лица. Возвращаюсь в гримерку, обрисовываю черным водостойким карандашом для глаз контур звезды. Пока все сохнет — смотрюсь в зеркало.

В ранние годы жизни тот, кого я вижу в зеркале, мне не особо нравился. Но я старался — старался стать совсем другим, не строя иллюзий насчет того, какой я есть. Проблема заключалась в том, что как бы я ни старался, цель, как мне казалось, оставалась все так же далека. По мере того как KISS переживали взлеты и падения, я постепенно осознавал, что все пути, ведущие к тому, что, как мне казалось, меня удовлетворит — или, уж во всяком случае, примирит с самим собою, — абсолютно ложные. Я думал, что придет слава, и все встанет на свои места. Воображал, что, когда у меня появятся деньги, все наладится. Думал, что когда тебя все хотят — то тут вообще все в порядке.

А все это сбылось к 1975 году — тогда KISS прославились альбомом *Alive!*. Но тут оказалось, что когда я кичусь своей славой, то сам от этого не получаю ни малейшего удовольствия. И хотя к концу 70-х мы заработали миллионы долларов, оказалось, что деньги — а также шмотки, машины и коллекционные гитары, что я скупал, — счастливее меня не делают. Насчет того, что «все тебя хотят». Тут так: с момента выхода нашего первого альбома, секс стал мне доступен в любое время и... да вообще все время. Но тут выяснилось, что можно лежать с кем-то — и все равно быть одиноким! Кто-то сказал, что невозможно быть более одиноким, чем в постели с не *той*. Чистая правда. Есть, безусловно, положения, в которых страдаешь сильнее, чем в постели с моделью «Плейбой» или «Пентхауса», но все равно удовольствие тут довольно скоротечное. Нет, все это, конечно, очень сильно радует, но вот только недолго. Короче говоря, я понял, что в душе у меня пустота, и ничто из вышеперечисленного заполнить ее не может.

Когда в 1983 году KISS наконец решили выступать без грима, то оказалось, что без маски я еще больше Звездный Мальчик. Точнее, Звездный Мальчик захватил мою личность. Мое настоящее лицо стало лицом Мальчика. Да, того застенчивого обороняющегося нелюбимого ребенка я до какой-то степени задавил, запретил, загнал внутрь, но я никак его не изменил, не перестроил, никем другим не заменил. Я был чем-то типа раковины или пустой лодки. Я все еще искал идеал личности, которой хотел бы стать, а Звездный Мальчик, хоть теперь и без звезды вокруг глаза, оставался тем образом-посредником, через который я общался с миром. Но я все еще считал — или, во всяком случае, *верил* — в то, что людей проще держать на расстоянии вытянутой руки, чем принимать их близко к сердцу. В конце концов, ведь для того, чтобы тебе было хорошо с людьми, тебе должно быть хорошо с самим собой в первую очередь, а мне-то с собой хорошо все еще не было. Посему и в жизни

моей все продолжало идти совсем не так, как надо. Где моя семья? Где мои друзья? Дом мой — что это, где оно?

От той основополагающей истины, что мне до сих пор некомфортно в моей собственной шкуре, никуда было не деться. А если ты не можешь уйти от правды, то у тебя два варианта: либо онеметь — оглохнуть — перестать чувствовать. Либо постараться что-то починить. Вот именно так просто, и никак иначе. А я так нарисован — простите двусмысленность — что для меня выход — это починить себя, а не обдолбаться до бесчувствия. Вот даже в самые тяжкие жизненные периоды — когда моя группа распадалась, когда близкие люди откидывались из-за наркотиков, когда я в отчаянии корчился на полу после развода с первой женой — чувство самосохранения и сильная потребность улучшить себя превосходили все остальные импульсы.

Для некоторых людей опыт близкой смерти становится прозрением. На самом деле, прочтите полку автобиографий рок-музыкантов и вы увидите, что близость того света для многих из них стала поворотной точкой жизни.

Но у меня вообще не было попыток суицида. Я не злоупотреблял ни наркотиками, ни алкоголем, так что не приходил в себя в реанимационной палате, где мог бы обдумать, как жить дальше. Тем не менее со смертью встречался, и, конечно, такие серьезные моменты заставляли задуматься о душе. Но скажу честно: ничто из этого не оказало на меня столь сильного влияния, как одно событие, которое трудно назвать очень рок-н-рольным. Откровение явилось мне не тогда, когда я совал ствол пистолета в рот или лежал на больничной койке с дефибриллятором. Оно явилось благодаря участию в одном Бродвейском мюзикле.

В 1999 году я получил главную роль в «Призраке оперы» Эндрю Ллойда-Уэббера, который поставили в Торонто. Заглавный персонаж спектакля — композитор, который носит маску, чтобы скрыть обезображенное лицо. Ну и главную роль играю я,

родившийся без уха чудище Стэнли, который всю жизнь пел на сцене, закрасив лицо гримом. Одна сцена в мюзикле психологически очень сильно на меня подействовала. Это тот эпизод, где Призрак, в своем плаще и маске, выглядит очень элегантным, хоть и опасным. Незадолго до того, как похитить и спрятать в своем логове Кристину — певицу, в которую он влюблен, он наклоняется к ней, а она снимает его маску и обнаруживает страшное лицо. Именно этот момент близости, когда Кристина трогает его лицо без маски, сильно задел меня за живое.

Так вот однажды, в то время, когда я играл Призрака, в театр пришло письмо на мое имя. Написала его зрительница, недавно посмотревшая наш спектакль. «Вы так вживаетесь в образ, что прямо становитесь персонажем, — писала она, — я ни у одного другого актера такого не видела». А далее она написала, что работает в организации под названием AboutFace, которая помогает детям, у которых деформировано лицо. «Могло бы вас заинтересовать сотрудничество с нами?»

Ого! Как это она так все просекла?

Про ухо мое я никогда ничего не говорил. Я еще подростком, как только разрешили, отрастил длинные волосы — закрыл ими ухо, а про свою частичную глухоту не упоминал нигде и никогда. Эти секреты я хранил строго. Слишком личное, слишком болезненное. Я решил позвонить этой даме, не зная, чего ожидать и что сказать. Но я открылся ей — и мне сразу полегчало. А вскоре я уже сотрудничал с ее организацией. Я общался с детьми и их родителями, рассказывал про свою проблему, как я ее переживал, выслушивал их рассказы, в общем, делился опытом. Эффект для меня был совершенно удивительным.

Разговаривая про то болезненное, что я хранил в тайне так много лет, я почувствовал невероятное облегчение. Меня освободила правда, правда и «Призрак оперы». Каким-то образом маска Призрака помогла мне раскрыть себя. В 2000 году я при-

нял на себя роль спикера организации AboutFace. Оказалось, что когда я помогаю другим, то и сам выздоравливаю. В жизни моей воцарилось неведомое до того спокойствие. Я ведь все время искал каких-то внешние зацепки, которые помогут мне выбраться из бездны, тогда как вся проблема скрывалась только внутри меня.

*Невозможно взять кого-то за руку, пока твоя ладонь
сжата в кулак.*

*Красоту вокруг себя не разглядишь, если не видишь
ее у себя внутри.*

*И если сам погряз в собственном ничтожестве,
то и других людей не оценишь.*

Я осознал, что не те люди слабы, которые показывают свои эмоции, а те, которые их прячут. Мне пришлось пересмотреть свое представление о том, что такое «сильный». Быть действительно «настоящим мужчиной» — это значит быть сильным: настолько сильным, чтобы плакать, настолько сильным, чтобы быть добрым, сочувствующим, пропускающим других вперед себя, боящимся, но все же ищущим свой путь, прощающим и просящим прощения.

Чем больше я примирялся с собой, тем больше мог отдавать. И чем больше я дарил себя другим, тем больше я обнаруживал того, что должен отдать.

И вскоре после этой перемены во мне я познакомился с Эрин Саттон, умной уверенной адвокатессой. Мы с самого начала были совершенно честны друг с другом, полностью открыты друг другу; ноль драмы вообще. Она все понимала, заботилась обо мне, во всем меня поддерживала, и, что самое главное, вела себя уверенно, последовательно и стойко. Мы не ринулись в отношения сразу, но несколько лет спустя поняли, что не можем даже представить себя отдельно друг от друга.

«Я и не надеялся, что у меня когда-нибудь будут такие отношения, — признавался я ей. — Потому что я вообще не знал, что такое бывает».

Такой жизни я искал.

Это плата.

Вот что чувствуешь, когда ты... целостен.

И именно некий поиск, постоянное стремление к тому, что я должен, как мне казалось, иметь — не только в материальном плане, но и в смысле того, кем мне следует быть, — дали мне возможность достичь этой точки. Поиск этот начался с постановки цели стать рок-звездой, а закончился чем-то совершенно иным.

Вот о чем, собственно, эта книга. Также я хочу, чтобы в один прекрасный день ее прочитали мои дети, несмотря на тот факт, что избранный мной путь оказался долгим, тяжким и петляющим по разным диким местам и временам. Я хочу, чтоб дети поняли, какова была моя жизнь — со всеми ее бородавками и всем прочим. Я хочу, чтоб они поняли, что на самом деле все всегда зависит от нас, и что любой может сделать свою жизнь прекрасной. Да, возможно, будет тяжело. Наверное, займет больше времени, чем ты думаешь. Но это возможно. Для каждого.

Я собираюсь с мыслями и снова бросаю взгляд на зеркало. На меня смотрит знакомая белая физиономия с черной звездой. Осталось пшикнуть на волосы одним-двумя баллончиками лака, чтоб стояли до потолка. Ну и конечно, накрасить губы красной помадой. Сейчас, разумеется, я не могу носить такое лицо с серьезным видом — улыбаюсь от уха до уха. Сейчас уже хочется вместе со Звездным Мальчиком праздновать и веселиться — он же старый друг, а не альтер эго, за которым прячешься.

Там, за дверьми, сорок пять тысяч людей в ожидании. Запечатлеваю выход на сцену.

Ты хотел лучшего, ты получил лучшее, самую крутую группу в мире...

Я даю отсчет в «Detroit Rock City» — и понеслась: черный занавес падает, я, Джин Симмонс и Томми Тейер вылетаем на сцену из стручка, подвешенного в сорока футах, а за нами Эрик Сингер уже бьет в барабаны. Фейерверки, огни! Первый вздох толпы бьет тебя — ты это ощущаешь прямо физически. *Ба-бах!* Такой драйв! Ничего круче представить невозможно. Со сцены я люблю смотреть, как люди прыгают, танцуют, целуются, радуются — и все в состоянии экстаза. Я просто балдею от этого. Прямо сборище племени. KISS давно стали традицией, ритуалом, передающимся от поколения к поколению. Вообще, это удивительный дар — уметь общаться с людьми на таком уровне, получать столько от них от всех, от всех нас, и продолжается это уже десятилетия спустя после того, как мы начали играть. На протяжении всего концерта улыбка не сойдет с моего лица.

Но что самое лучшее — улыбка останется на губах, даже когда я сойду со сцены и вернусь в мою реальную жизнь. Во всей ее красе.

Есть люди, которые не хотят возвращаться домой, — они вообще *никогда* не хотят идти домой. Я сам когда-то был таким. А сейчас я просто обожаю возвращаться домой. Потому что где-то на этом длинном пути я наконец понял, как создать свой дом, настоящий дом, тот самый, в котором лучше, чем в самых хороших гостях.